

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

**КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ:
ГЕНЕТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ОБЩНОСТИ И АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**

**THE CAUCASIAN LANGUAGES:
GENETIC-TYPOLOGIC
COMMUNITIES AND AREAL RELATIONS**

*Материалы VI Международной
научной конференции*

*Памяти выдающегося
кавказоведа, академика
А.С. Чикобава (1898-1985).*

28–29 июня 2018 г.

Махачкала 2018

УДК 800(075)

ББК 81я7

К-12

Редакционная коллегия:

Атаев Б.М., Магомедов М.А.,

Магомедов М.И.

Составитель: *Магомедов М.А.*

К-12 Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Материалы VI Международной научной конференции. 28–29 июня 2018 г. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2018. – 442 с.

ISBN 978-5-91431-182-4

В сборник включены материалы VI Международной научной конференции «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи», приуроченной памяти выдающегося кавказоведа, академика А.С. Чикобава (1898-1985). Доклады посвящены различным аспектам исследования генетико-типологических общностей и ареальных связей кавказских и иноструктурных языков.

Для лингвистов, студентов филологических факультетов вузов и широкого круга читателей.

Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-20043 (г)

ISBN 978-5-91431-182-4

© Институт языка, литературы и искусства
им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН, 2018

© Издательство «АЛЕФ», 2018

3. Сулейбанова М.У. Именные и глагольные композиты в нахских и иностраных языках. Грозный, 2008. 205с.

4. Сулейбанова М.У. Типологическая характеристика композитов нахских языков. Пятигорск, 2010. 165с.

5. Сулейбанова М.У. Композитное словообразование в нахских языках. Грозный, 2013. 285с.

УДК 811.351.11

КОНТРАСТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ *-ГЪИБ (-КЮБ)* В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Т.А. Майсак

*Институт языкознания РАН;
НИУ Высшая школа экономики*

В настоящей работе описывается одна из частиц андийского языка, *-гъиб* (по диалектам *-кюб*). Основная функция частицы — выражение категории контрастности (в других терминах, «рестриктивности»), ранее уже выделявшейся для ряда дагестанских языков. В работе описаны существующие в литературе подходы к анализу данной категории, морфосинтаксическое поведение собственно андийского показателя, на материале текстов дан обзор разных типов контекстов, в которых *-гъиб* имеет контрастивную функцию. Выдвигается гипотеза о происхождении *-гъиб (-кюб)* от причастия одного из двух бытийных глаголов, *бигъиб* или *бикюб* (в зависимости от диалекта).

Ключевые слова: дагестанские языки, андийский язык, контрастивность, рестриктивность, клитики, частицы

---

* Работа над статьей выполнена в рамках проекта РФФИ №8-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Благодарим участников московского Андийского семинара за обсуждение данных, представленных в работе, а также П. А. Мгомедову (ДГУ) за ее труды по изданию материалов на андийском языке.

Timur Maisak. The contrastive marker *-yib* (*-k'ob*) in Andi

The paper describes one of the clitics of the Andi language, namely *-yib* / *-k'ob* (dialectal variants), which belongs to the family of markers expressing the category of 'contrastivity' or, in other terms, 'restrictivity'. This category has been established for a number of Daghestanian languages, but has not yet been studied in Andi. The paper presents an overview of the research on contrastivity/restrictivity, and a pilot study of the morphosyntactic properties and the functions of the clitic *-yib* in a text corpus of Andi. A hypothesis concerning the etymology of the two contrastive markers is put forward in the paper: the most plausible source of the markers is the participle of the existential verb 'be', which is *biyib* or *bik'ob* depending on the dialect.

Keywords: Daghestanian languages, Andi language, restrictivity, contrastivity, clitics, particles

1. Категория контрастивности (рестриктивности) в дагестанских языках

В 1980-е гг. О. Ю. Богуславская выделила для ряда дагестанских языков грамматическую категорию *рестриктивности* — «смысловое и формальное противопоставление, характерное в первую очередь для адъективов», т.е. для прилагательных и причастий [2, с. 34]. Определения могут быть нейтральными с точки зрения рестриктивности либо маркированными как рестриктивные; в последнем случае рестриктивность выражена специальным показателем. Значение категории рестриктивности О. Ю. Богуславская [2, с. 35] формулирует следующим образом: «Если маркированно рестриктивное определение X зависит от существительного Y, то это означает, что Y в данной ситуации мыслится в составе множества однотипных с ним Y-ов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством X ('тот (те, такие) из Y-ов, который (которые) X')». Так, например, если сравнить пару словосочетаний из дубекского говора табасаранского языка *лидзи хини* 'белая корова' и *лидзи-сув хини* 'белая корова', то формально определение во втором сочета-

нии отличается наличием показателя *-сув*. На семантическом же уровне «объект (корова) мыслится в составе множества подобных ему объектов и выделяется из этого множества по признаку обладания свойством, описываемым посредством определения (белизны)» [2, с. 35]. Неформально второе сочетание можно перефразировать как «та корова, которая белая (в отличие от остальных коров)».

В диссертации О. Ю. Богуславской рассмотрены рестриктивные показатели следующих восьми идиомов: ахвахского, чамалинского, бежтинского (тлядальский говор), хваршинского (инхокваринский говор), лакского, чирагского даргинского, дубекского табасаранского и кондикского табасаранского [2, с. 34—44], см. также обзор в статье [11, с. 236—237]. В большинстве языков маркированные по рестриктивности определения противопоставлены нейтральным, которые не содержат специальных показателей. В некоторых языках семантически нейтральные определения содержат специальный атрибутивный показатель (*-сса* в лакском, *-зе* в чирагском).

В литературе высказывались сомнения в применимости именно термина «рестриктивность» к описываемому О. Ю. Богуславской противопоставлению. Так, в работе [5] отмечается, что в некоторых дагестанских языках «рестриктивные» показатели могут сочетаться не только с определениями, но и с именными группами без определения, имея тем самым другую функцию. В связи с этим в качестве более подходящего термина вместо «рестриктивности» предлагалось использовать «контрастивность»: в этом случае подразумевается, что референт, для которого истинна пропозиция, выделяется из ограниченного множества референтов и противопоставляется остальным. Данную трактовку принимают Н. Р. Сумбатова и Ю. А. Ландер, описывая категорию контрастивности в тантынском даргинском (показатель *-ил*, мн.ч. *-те*), см. [9, с. 220—228]. Учитывая, что в андийском языке, как будет показано ниже, исследуемый нами показа-

тель не обязательно маркирует именно определения, мы также используем применительно к нему термин «контрастивный», а не «рестриктивный».

2. Контрастивный показатель в андийских диалектах

В андийском языке нейтральным атрибутивным показателем является *-сси*. Этот показатель может использоваться с целым рядом составляющих, в том числе именными группами в дативе и в локативных падежах, с послеложными группами, наречиями и даже финитными глагольными группами, — во всех этих случаях после присоединения *-сси* составляющая получает способность использоваться в качестве определения. С обычными определениями (типа прилагательных, причастий, генитивов) показатель *-сси*, по нашим наблюдениям, не сочетается, они используются в позиции определения без специального дополнительного маркирования.

Помимо показателя *-сси*, в андийском языке имеется другой показатель, который, по нашему мнению, может быть охарактеризован именно как «контрастивный» и который принадлежит к описанному О. Ю. Богуславской «семейству» близких по значению дагестанских показателей. Как будет показано ниже, этот показатель не является собственно атрибутивным, поскольку его функция не состоит в деривации определений (как в случае *-сси*). Речь идет о показателе, который в андийском и в зилловском говорах имеет вид *-гъиб*, а в рикванинском говоре выглядит как *-кӀоб*; в гагатлинском говоре, по всей видимости, используются оба варианта.

Несколько примеров употреблений андийского *-гъиб* содержатся в упомянутой выше статье Анны А. Зализняк и В. В. Туровского [5], основанной на данных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова. В целом же в литературе по андийскому языку употребление этого показателя практически не описано, хотя он, как правило, перечисляется в списках

частиц или особых суффиксов. Так, А. Дирр, упоминая *-гъиб* (в андийском говоре) в разделе «Суффиксы», пишет о том, что этот суффикс «служит для отделения», и далее ограничивается несколькими примерами [4, с. 77]. Кроме того, в разделе о числительных автор отмечает, что суффикс *-гъиб* «отделяет число» (приводятся примеры типа *сев-гъиб* 'один', *чегу-гъиб* 'два' и пр.) [4, с. 42]. И. И. Церцвадзе указывает, что функция частицы состоит в том, чтобы «выделить в отношении каких-либо свойств один предмет из многих» и упоминает *-гъиб* среди «частиц, усиливающих значение» [10, с. 292, 369]. Аналогичную формулировку используют также М. Е. Алексеев («усилительные частицы») и П. А. Саидова («частицы, усиливающие значение»), см. [1, с. 225; 6, с. 287]. В диссертации Я. Г. Сулейманова специальный раздел, посвященный частицам, отсутствует, однако производные на *-кlob* упоминаются, ср. *себ-кlob* (от *себ* 'один') и примеры типа *Гъоб бура йешул*, *гъеб себ-кlob вошуб* 'Этот ягненок дочка (принадлежит дочке), а тот (самый) — сына (принадлежит сыну)' [8, с. 315, 235]. Наконец, в очерке гагатлинского диалекта Х. С. Салимова речь идет об обоих показателях, которые, по словам автора, «образуют прилагательные от прилагательных, числительных, местоимений» (ср. *буртla* 'богатый' > *буртla-кlob* 'тот, который богатый', *буртla-гъиб* 'тот, который богатый'); оба показателя также упоминаются среди «выделительных частиц» (ср. *има-гъиб* 'отец же', *ила-кlob* 'мать же') [7, с. 122–123, 217].

Диалектная вариативность показателя (*-гъиб* vs. *-кlob*) заслуживает внимания и, как нам кажется, позволяет высказать предположение об этимологии частицы. В андийском языке *-б* является показателем причастия совершенного вида («причастия прошедшего времени»), ср. *вукlo-б* 'бывший, ставший', *вукъго-б* 'пришедший', *гъакъо-б* 'увидевший, увиденный', *игъи-б* 'сделавший, сделанный', *цлинни-б* 'узнавший, узнанный', *цлцлади-б* 'выпивший, выпитый' и пр. (причастия не выражают залог, поэтому приводимые переводы

лишь условны). Показатель *-клоб* исторически с большой вероятностью является редуцированной формой причастия глагола *биклуду* 'быть' (ср., в зависимости от именного класса, формы *вуклоб*, *йиклоб*, *биклоб* и пр.), то есть формой причастия, утратившей первый слог. В свою очередь, *-гъиб* скорее всего является таким же усеченным причастием бытийного глагола *бигъиду* (ср. *вугъиб*, *йигъиб*, *бугъиб* и пр.). Два этих глагола в функции бытийного предиката распределены по диалектам. В рикванинском говоре, как и в большинстве андийских языков [3, с. 93], бытийным глаголом является именно *биклуду*, глагол же *бигъиду* используется в значении 'останавливаться, стоять' (этот глагол также имеет параллели в родственных языках, ср. [3, с. 67]). При этом в некоторых андийских говорах, в том числе собственно в говоре с. Анди, *бигъиду* претерпел семантическую эволюцию и стал общим бытийным глаголом (а также вспомогательным глаголом), см. подробнее [12]. Таким образом, распределение вариантов *-гъиб* vs. *-клоб* соответствует распределению бытийных глаголов по диалектам.

Для дальнейшего анализа свойств андийского контрастивного показателя обратимся к данным текстов. Тексты на андийском языке имеются в приложениях к грамматическим очеркам А. Дирра, Я. Г. Сулейманова, И. И. Церцвадзе и Х. С. Салимова, однако количество употреблений показателей *-гъиб* или *-клоб* там невелико: по нашим подсчетам, в текстах А. Дирра представлено около 10 употреблений, в текстах Х. С. Салимова — два, в текстах И. И. Церцвадзе — одно, в текстах Я. Г. Сулейманова употреблений показателя не встретилось. В настоящее время, однако, доступны еще два больших текстовых источника по андийскому языку — это переведенный и изданный в 2010 году сборник 13 сказок народов мира (на андийский говор) и изданный в 2015 году перевод Евангелия от Луки (также основанный на андийском говоре); выходные данные изданий см. в списке источников. В сборнике сказок показатель *-гъиб* использован 36 раз, в пе-

реводе Евангелия — около 120 раз. Ниже мы, в качестве первого этапа анализа контрастивного показателя на материале корпуса текстов, обратимся к употреблению *-гъиб* в тексте сказок (дополнительные примеры из перевода Евангелия от Луки будут привлекаться лишь в единичных случаях, с пометой «Лк.»).

3. Морфосинтаксические свойства показателя *-гъиб*

Показатель *-гъиб* по своим формальным свойствам является *энклитикой* — как и аффиксы, этот показатель неавтономен и не может выступать в качестве отдельного слова, он требует опорного слова и следует за ним (на письме *-гъиб* всегда записывается слитно с со своим опорным словом, но далее для наглядности мы отделяем его в примерах дефисом). Вместе с тем, признать этот показатель аффиксом мешает его свободная сочетаемость — *-гъиб* присоединяется не к основе определенного класса слов (как, например, падежные или числовые показатели имени или видо-временные показатели глагола), а к полным словоформам, причем разных классов. Так, в примере (1) *-гъиб* маркирует прилагательное, в (2) — причастие, в (3) — существительное.

(1) ...*мичли-гъиб* *воцуду лъиромчуллоли тлалабло идя бикводду*. ‘{Старший брат чинил канаву, средний катал на крыше каток,} а младший брат следил за жерновом.’

(2) *Гъило бигъгъоб-гъиб гъалбацуду белъгъидду гъитлондду*... ‘Рассмеялся лев, который туда пришел (букв. туда пришедший лев), и сказал...’

(3) *Наф-Наф-гъиб, себгуло анлъиссубгвагу, энлигу гъинцолли къен игъир бикводду*... ‘{Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень развеселились.} А **Наф-Наф** как ни в чем не бывало продолжал класть каменную стену своего дома...’

В том случае, если *-гъиб* оформляет определение при вершине множественного числа, по общему правилу согласования в андийском языке определение также принимает форму множественного числа; суффикс плюралиса следует

за *-гъиб* (> *-гъиб-ул*). Если же составляющая, оформленная при помощи *-гъиб*, занимает позицию вершины именной группы, то в позиции абсолютива единственного числа показатель имеет исходную немаркированную форму *-гъиб*. В косвенных же падежах комплекс «опорное слово + контрастивный показатель» принимает падежно-числовую морфологию, аналогичную морфологии прилагательных в позиции вершины. Падежные формы образуются от косвенной основы — в частности, основы на *-ш(у)- / -ш-*, если референт именной группы относится к мужскому классу. См. (4), в котором *себ* ‘один’ и *себло* ‘другой’ выступают в роли определений, и (5), в котором те же единицы являются вершинами именных групп и имеют формы эргатива на *-ди*. В (6) причастие настоящего времени на *-дя* с показателем *-гъиб* в позиции вершины выступает в форме аффиктива на *-во*.

(4) *Себ-гъиб рагъал џулулли дункунни онщичлу, себло-гъиб рагъалуди дин решиноло шаммољи.* ‘Одним концом палка задела землю, а другим концом подбросила меня в небеса.’

(5) *Сев-гъиб-ш-ди иччиду буккудя биклодду инишдубешенугу динар, себло-гъиб-ш-ди — инишдуџолгу динар.* ‘{У одного кредитора было два должника:} **один** был должен пятьсот серебряных монет, а **другой** — пятьдесят.’ (Лк. 7:41)

(6) *Бигъугу иччиду буккудя-гъиб-шу-во.* ‘{Так кто же из должников будет любить его больше?} **Тот, кто должен** отдать больше.’ (Лк. 7:43)

4. Функции показателя *-гъиб*

Обращаясь к функциям показателя *-гъиб* в переводе сказок, отметим, что ни в каких контекстах эта частица, по-видимому, не является грамматически обязательной, она скорее усиливает противопоставление. Подавляющее большинство употреблений *-гъиб* иллюстрирует именно контрастивное выделение: один референт противопоставлен другому или другим. Интересно, что в 13 случаях из 36, то

есть в более чем трети случаев, *-гъиб* используется при слове *сев* 'один' или *севло* 'другой'⁸ (или в конструкции, включающей оба этих выражения: 'один ..., другой ...'). Такое употребление было проиллюстрировано в примерах (4) и (5) выше, см. также (7):

(7) *Себ-гъиб пера бехуду беккурадо абжареху, дин гъегелла цѳул жъаби.* 'Одна пчела стала отставать, и я ударил ее палкой.'

Еще 7 употреблений также могут быть отнесены к собственно контрастивным ('тот, который / тот, кто Р') — в качестве опорного слова выступает определение, выраженное прилагательным или причастием. Таковы примеры (1) и (2) выше (младший брат противопоставлен старшим, а пришедший лев — другому льву, фигурирующему в сказке), ср. также аналогичный пример (8) с противопоставлением того жениха, который понравится принцессе, остальным претендентам (опорное слово *гъилуб* — причастие совершенного вида).

(8) *...вочло ицилѳикку дургу роквориво гъилуб-гъиб...* '...выбирай, кто из нас тебе по сердцу (букв. твоим сердцем любимый).'

В 5 случаях опорное слово — не определение, а именная группа. В данном случае выделенный референт противопоставлен другим референтам (из предшествующего контекста): Наф-Наф в примере (3) — другим пороссятам, Машенька в примере (9) — остальным девочкам, пошедшим в лес, лентя в примере (10) — другим людям.

(9) *Машенька-гъиб, рехуду сседу решобилло ретадду, ангиболло бетадду, нокволлѳачѳукку зологу лелотодду.* '{Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды.} Вот Машенька — деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.'

---

⁸ Как в числительном *сев* 'один', так и в производном от него местоимении *севло* 'другой' имеется позиция для классного согласования (ср. *сев, сей, себ, сер*).

(10) *Адамди эннуйгусси пиринчи гьанноххидду гьгьоцоллу буккудя, кИкВагьалол-гьиб-ул моквола вочлобулдо...* ‘Людам придется зарабатывать свой рис в поте лица, а лентяи пусть умирают с голоду...’

Как оказалось, словом, «склонным» употребляться в сочетании с контрастивным показателем, является также квантор *иб* ‘все’ (4 употребления), ср. (11). При этом, в отличие от ‘один’ и ‘другой’, в случае ‘все’ непосредственно контрастивное значение усмотреть сложнее: в рассмотрение вводится сразу всё множество референтов, так что множество, которому оно могло бы быть противопоставлено, фактически оказывается пустым.

(11) *Ургьунниб гьалбацлалало, билочлу бахунниресси иб-гьиб гьайванучлу гьгьувватилогусси!* ‘Подумай и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах!’

Также сложным для анализа представляется использование *-гьиб* на причастии — вершине зависимого предложения при глаголе ‘видеть’, ‘понять’ или ‘знать’ (всего 7 случаев). Так, в (12) показатель оформляет зависимое *живегу чило вуккуб* ‘...что он ошибся’, а в (13) — зависимое *мен гьалтти иду циння ссуб* ‘...что ты работать не умеющий’. Поскольку в данном контексте *-гьиб* не является обязательным, его вряд ли можно рассматривать как показатель зависимости (своего рода подчинительный союз) как таковой. Вероятнее всего, в данном случае также происходит выделение, только не референта, а всей ситуации, вводимой зависимым предложением: например, подчеркивается, что среди альтернативных решений субъект когнитивной деятельности выбирает именно данное.

(12) *Бичлчуннидду вочлухва воцубо живегу чило вуккуб-гьиб...* ‘Понял старший брат, что прогадал...’

(13) *Дибо гьагьгьор, мен гьалтти иду циння ссуб-гьиб...* ‘Как видно, ты не годишься для дела (букв. работу делать умеющий не есть)...’

Таким образом, относительно функции и позиции показателя *-гъиб* можно сделать такой предварительный вывод: он служит для контрастивного выделения референта или ситуации, при этом в случае, если основой для противопоставления служит некоторая характеристика, показатель располагается на определении именной группы; в случае же, если такого определения нет, показатель располагается на вершине составляющей (включая существительное и причастие в роли вершины зависимого предложения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М. Е.* Андийский язык // Языки мира: Кавказские языки. / Ред. М. Е. Алексеев, Г. А. Климов, С. А. Старостин, Я. Г. Тестелец. М.: Academia, 1999. С. 220-228.
2. *Богуславская О. Ю.* Структура именной группы: определительные конструкции в дагестанских языках: Дис... канд. филол. наук. М., 1989.- 205 с.
3. *Гудава Т. Е.* Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала: ИИЯЛ им. Г. Цадаса, 1959.- 236 с.
4. *Дирр А. М.* Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Тбилиси, 1906. Отд. 4, с. 1-200.
5. *Зализняк Анна А., Туровский В. В.* О месте категории рестриктивности среди смежных явлений // Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. I. М.: Наука, 1984. С. 113-121.
6. *Саидова П. А.* Андийский язык // Языки Дагестана. / Ред. Г. Г. Гамзатов. Махачкала; М.: ИЯЛП ДНЦ РАН, 2000. С. 275-288.
7. *Салимов Х. С.* Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛП, 2010. 420 с.
8. *Сулейманов Я. Г.* Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1957. 431 с.

9. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танта: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.

10. Церцвадзе И. И. Андийский язык (*Andiuri ena*). Тбилиси: Мецниереба, 1965. 392 с.

11. *Boguslavskaja O. Ju.* Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // Plank F. (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 230-239.

12. *Verhees S., Rochant N.* The (auxiliary) verb *b-iividu* in Andi // Historical Linguistics of the Caucasus: Book of abstracts. Paris, 12-14 April, 2017 / Историческое изучение языков Кавказа: Тезисы докладов Международной научной конференции. Париж, 12-14 апреля 2017 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2017. P. 197-200.

ИСТОЧНИКИ

Дуниялла бахуннирсси халгъгьиллИол гъгъванаб миццИл-лассол мухал (Сказки народов мира на андийском языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010. — 26 с.

Лукашди босам рергъанольлъи хабар (Евангелие от Луки). Москва: Библиялльыс таржама идя институти, 2015. — 180 с.